

Книги Дмитрия Старицкого
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

**ГОРЕЦ. ВВЕРХ ПО ТЕЧЕНИЮ
ГОРЕЦ. ОРУЖЕЙНЫЙ БАРОН**

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ДМИТРИЙ СТАРИЦКИЙ

ГОРЕЦ.
ОРУЖЕЙНЫЙ БАРОН

РОМАН

Москва, 2016
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
С77

Серия основана в 1992 году
Выпуск 988

Художник
М. Поповский

Старицкий Д.
С77 Горец. Оружейный барон: Фантастический роман. —
М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. — 312 с.:
ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2160-2

Если по воле рока ты оказался в чужом мире, будь осторожен, ибо разницу менталитетов никто не отменял. Другой мир — это даже хуже, чем эмиграция. Но что не убивает тебя, то делает сильнее. Послезнание развития техники становится не только благом, но и проклятием, привлекая внимание сильных мира того. И еще на ногах веригами повисла любимая жена с грудным ребенком. А вокруг война, которую историки потом назовут мировой. Поняв, что прогресс возможен только на основе реально существующих технологий и имеющейся квалификации туземных специалистов, Савва Кобчик не только патентует вещи «из будущего», но и окружает себя энтузиастами, которых достаточно «опылять» проверенными временем идеями и уводить от тупиковых решений — остальное они сделают сами. За создание первого в этом мире пулемета на автоматическом принципе Савва становится бароном, но никак не своим среди местной аристократии, для которой он выскочка, парвеню и нувориш. А влетов с самое кубло политических интриг, находит свое спасение только на фронте, на самой передовой. В сконструированном самим же бронепоезде.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Дмитрий Старицкий, 2016
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016

ISBN 978-5-9922-2160-2

1

Когда к горцам приезжает на побывку родня из других мест на месяц, то ее две недели встречают и две недели провожают, не вставая из-за стола. Пока всех не обойдут, не успокоятся. Но только не весной и не осенью. Сев и сбор урожая — вещи более святые, нежели ублажение сродников. В это время любого приبلудного родственника моментально припадут, как бы его ни уважали.

Посему за накрытым в саду столом мы гуляли только один вечер. Но гуляли все, вместе с извозчиком, который привез меня сюда с вокзала. Выпивка с нас, закуска с хозяев.

После первой рюмки на меня нахлынули воспоминания. Места навеяли забытые мысли о том, как я ненароком попал сюда. Сюда — это на гору Бадон, что в Реции, марке большой срединной империи. Гору, на которой я появился в этом мире столь обыденно и просто. Пошел в подмосковном лесу грибы собирать. Наклонился за подберезовиком, разогнулся, и здрасьте-пожалста... вы находитесь в совсем другом месте. И даже не на Земле. Спасибо, приютила меня семья кузнеца Оле, а то даже не знаю, что бы со мной тут случилось без знания местных языков вообще.

И первой, кого я тут встретил, была Элика. С козой...

С тех пор на хуторе двоих уже похоронили.

И один народился.

Кузнец Оле, у которого я трудился подмастерьем-молотобойцем, меня и наладил отсюда в армию, когда заметил женский интерес ко мне своей подросшей племянницы. «Опоздал тогда кузнец...» — ухмыльнулся я чему-то

своему, поднимая очередной стакан под здравицу в мою честь. Но настроение у меня от этой мысли поднялось.

В отличие от Оленых сыновей Элика сидела со всеми за столом — мать уже! Считаю, взрослая. Рядом со мной угнездилась, но к вину не притрагивалась. А то как же? Она мать кормящая. Ей, пока сына от груди не отнимет, ничего, кроме воды и молока, не положено даже в рот брать. С этим в горах строго.

А ребенок в сторонке на лавочке сидит на руках у няньки — наемной девицы шестнадцати лет, блондинки невзрачной внешности. Нянька и заодно юной матери подружка, чтобы не скучала. Эту за стол не сажают по малолетству, хотя Элике она ровесница, но девица еще.

Элика, уверившись и утвердившись в своем новом статусе матери законного ребенка — как же, отец его на руки взял, признал! — несколько осмелела и все пыталась у меня что-то тишком выпрашивать.

— Потом, все потом, — дал я ей укорот, любуясь ее красивым лицом. — Имей, женщина, терпение.

И она от меня отстала. Но, думаю, только до ночи... Как только все спать наладятся... Женское любопытство, оно такое... Сильнее кошачьего.

Извозчик, как и обещал, деньги с нас брать отказался. И я, прощаясь, подарил ему новенький длинный штык-нож старого образца — с пилой на обухе, и наказал пригнать на хутор упряжку волов с плугом за отдельную плату. Очень мне не хотелось с тяпкой на поле весь отпуск надрываться, но никуда не денешься: весенний день год кормит. А на хуторе всего две пары мужских рук. Это если меня не считать с денщиком.

Возница уехал пьяненький и довольный. Угостили. Клинок подарили. Уважили.

Денщика определили на ночь в бывший мой чуланчик, а меня с почетом — в комнату покойного деда.

Когда все в доме угомонились, тихо скрипнув дверью, пришла Элика. Не забыв предупредительно накинуть крюк

на дверь, в полной темноте уверенно подошла и села на край кровати. Нащупав мою ладонь, сжала ее и сказала:

— Спасибо, что не отказался от своего сына.

— Это же мой сын. Как я могу от него отказаться? Кстати, как назвали?

— Пока никак. Сын и сын.

— Непорядок.

— Непорядок. Но сына должен называть отец. А тебя не было.

— Я воевал.

— Тебя никто и не винит.

— У тебя руки холодные.

— А ты согрей.

— Уговорила. Ложись рядом.

— Если ты захочешь, то мы уйдем вместе с тобой.

— Кто — вы?

— Я и твой сын.

— Куда уйдете?

— Туда, куда уйдешь ты. В мир ушедших богов. Там у вас лучше, чем здесь? Войн нет, наверное, совсем.

— Все у нас там есть. И хорошее и плохое. Только у меня там семья: родители, братья, сестры...

— Моя семья теперь ты.

— Мне надо будет вернуться в Будвиц после отпуска. У меня обязательства перед королем Бисером. Но там война. Так что спокойнее будет растить сына здесь.

— Какой длинный шрам у тебя на спине появился. Это саблей?

— Нет... пульей.

— Как долго я тебя ждала... Чего только не выслушала от Оле и его жены, когда у меня живот на нос полез. Дед выручил. Цыкнул на них и приговорил: чей бы бычок ни прыгал, а телятко наше. Он умер, когда сыну было уже три недели. И был так счастлив, что у него именно правнук. А мне наказал тебя дожидаться и уходить вместе с тобой. Он говорил, что вы всегда стремитесь вернуться домой, в свой мир ушедших богов.

— Так я тут такой не первый?

- На моем веку первый. А дед ваших видел не раз.
- И куда они подевались?
- Кто?
- Попаданцы?
- Какие попаданцы?
- Люди из мира ушедших богов, которые сюда попали.
- А я знаю? Дед про то не рассказывал. Сказал только, что ты будешь время от времени пытаться уйти домой. Что вы все такие.
- Что это потекло?
- Молоко...
- Надо же... сладкое какое. Часто доишься?
- Я тебе что, коза?
- Козочка... Иди ко мне.
- А-а-а-ах... милый... как долго я тебя ждала.

Утром всех отправили в лес за диким чесноком, а то сезон уходит. Солить его зеленые побеги и мариновать будем. Младенца Элика забрала с собой, неся на хитром плечевом подвесе. Я с народом отправил денщика, вооруженного пистолетом. Якобы для охраны. Но на самом деле мне надо было остаться один на один с хозяином. Решить без лишних ушей некоторые щекотливые вопросы.

— Дядя Оле, а что это твои сыновья в каких-то непонятных опорках ходят, когда я вам обуви выслал целый короб? — спросил я, глядя вслед уходящим со двора добытчикам.

— Какая обувь? — ответил он вопросом на вопрос, невинно лупая глазками.

- Посылки от меня осенью разве не дошли до вас?
- Ты это про тюки в рогоже пытаешь?
- Именно.
- Так тут они все, в сарайке. Пойдем покажу.

В чистой пристройке к конюшне, закрытой на хитрый Оленой работы замок, все мои посылки лежали штабелем. С нетронутыми почтовыми печатями. Я даже не представлял, сколько всего я смог добыть на полигоне всего лишь за самовар и самогонный аппарат. Отправлял-то частями.

И как все это мимо контрразведки прошло? Или еще какой военной юстиции.

— Тут все, — сказал кузнец, отпирая дверь. — Ничего не пропало, не беспокойся. Тебя дожидается.

— Так это все вам... — озадаченно произнес я.

— А я знал? Рассудили так: приедешь, сам разберешься со своим барахлом. Вот и разбирайся. Нам никто никаких наказов от тебя не передавал.

«Да... Реликты, — подумал я. — В моем мире ушедших богов за такую честность давно в психушку кладут». И понял, что этот мир мне как-то больше нравится, чем мой.

— Ну давай разбираться, что тут где... — вынул я из сапога наваху.

Закончили разбор моих посылок ближе к вечеру, когда уже наши добытки домой потянулись, обрывая руки под тяжестью корзин. Так что упали мы с кузнецом преизрядно. Пришлось на ходу импровизировать — вёшал в сарае городить, плечики из веток и проволоки, чтобы все развесить — проветрить.

— Ну и куда нам столько всего? — озадачил меня Оле, после того как штуки разнообразной мануфактуры, иголки да нитки с другой мелочью унес в дом.

Шинели, парки, бушлаты, безрукавки, мундиры старых образцов висели плотно. Обувь стояла на полу в три ряда. Рухлядь овчинная в углу друг на друге кучей. Еще целый штабель патронных цинков и длинный оружейный ящик.

— А что, у тебя семья маленькая? — ответил я вопросом на вопрос. — Одни твои четверо мальчишек — та еще сороконожка.

— И не говори, — согласился Оле со мной и как-то сразу сник. — Мне с тобой, Савва, не расплатиться... Нет у меня таких денег.

— А я у тебя денег не прошу.

— А что тогда? — озадачился кузнец.

— За сыном моим да за Эликой присмотрите, пока я на войне. И ладно.

— Значит... С собой ты их не забираешь? — выдал кузнец потаенные свои желания.

— Куда? На войну? В окопы? Думай, старый, что говоришь.

— Ну да... оно понятно... — замялся он, но тут же напустил на себя строгость. — Имя хоть сыну дал?

— Дал... Митя. Дмитрий.

— Странное имя.

— Отца моего так зовут.

— Что родителя своего почитаешь, уважаю. Хорошо это. По-людски.

— О!... И фотки мои здесь! — воскликнул я, увидав в самом углу плоские картонные посылочки. — Вы даже их не открывали?

— Ничего мы не открывали, — буркнул Оле. — Отец-покойник наказал: ты приедешь, сам разберешься, а нам шариться по чужим вещам грех. Хотя жену мою постоянно подмывало посмотреть, что здесь. Ну так баба любопытней кошки, сам знаешь.

Тут и пестрая кошка в сарай заглянула, как бы подтверждая жизненные наблюдения хозяина. Чихнула от поднятой нами пыли, зевнула, не нашла для себя ничего интересного и с достоинством удалилась.

— Значит так, дядя Оле. Патроны в картонных коробках тащи в дом — там они сохраннее будут. В цинках можешь здесь оставить — ничего им не станется. Не течет тут у тебя вроде крыша, сухо. Винтовки, которые не будешь прямо сейчас пользоваться, оставь в ящике, они в пушечном сале на длительном хранении. И...

— От... Поучи меня еще, как ружье чистить... Фельдфебель... — язвительно высказался кузнец. — Это ты там у себя фельдфебель — в роте, а тут ты зять.

Что на это возразить? И слов таких нет.

Только и успели, что магазинку и два левера¹ утащить в дом и патроны, которыми я в коробках докладывал пустоты в оружейном ящике, как притащились добытки и сразу

¹ Л е в е р — винтовка или ружье с рычажным затвором.

оккупировали стол в саду — дикий чеснок разделявать, пока не увял.

— С оружием все потом обсудим, — тихо предупредил меня Оле. — Кто меньше знает, тот крепче спит.

Кузнецу сразу досталось от жены за то, что рассол не готов, не говоря уже об ужине. Видно, что приготовилась баба хорошенько поскандалить «в своем праве». На что тот без лишних разговоров взял ее ласково за локоть и отвел в сарай. На выставку подарков.

Вышла оттуда кузнецова женка просветленная. Как из церкви после исповеди. Вытирая углы глаз платком, подошла ко мне, обняла, приговаривая тихо, практически на ухо:

— Вот оно как в жизни бывает, как мать моя говорила: кинь хлеб за лес — потом найдешь. Кто бы мог подумать, что с тебя такой добытчик объявится? Телок телком был, когда со своей горы спустился. Непутевый... Но теперь я спокойная за Элику. Ты прости меня, Савва, что я ее ругала по-всякому за то, что она дала себя обрюхатить. Ты ее в жены возьми. Она хорошая, работающая... — и добавила с обозначением собственной значимости: — И сыновей умеет рожать...

Мужик, который притащился к нам на хутор на медлительных флегматичных волах, запряженных в телегу, нагруженную сохой и бороной, сразу уперся рогом.

— Сам пахать буду. Мои волы и работа моя.

Ввиду того что помимо аренды волов и инвентаря за свой труд непрошенный помогальник запросил по-божески, я возражать не стал. Нельзя убивать в людях желание трудиться. Тут-то полей всего две террасы на склоне горы. Одну гречкой Оле засеет, другую, по моему совету, горохом — больно там земля тощая, которую подкормить не грех.

Под ногами у опытных мужиков путаться — только мешать. Взяли мы две винтовки, вычистили их и пошли с денщиком на охоту в горы. Мяса свежего добыть.

— Предупреждала меня Элика, что все так и будет — не дадут мне на чужих волах пахать, — усмехнулся я, когда мы

выбрались на дорогу, ведущую к заимке. — «Готовь, Савва, монеты», — сказала, как предрекла. Я поначалу не поверил...

— Командир, ты не обижайся, но я тебе скажу прямо. — Денщик встал на дороге, переложив винтовку с плеча на плечо. — Жена твоя — ведьма. Не смотри, что малолетка еще.

— Все бабы ведьмы, канонир. Только одни красивые и сиськами, а другие — их подружки, — перевел я этот странный разговор на шутку.

— Ну, если смотреть в таком разрезе... То да, согласен, — весело захохотал Тавор.

— А сам-то что не женат? Лет-то тебе достаточно, чтобы свои сыновья уже бегали за девками.

— Я, командир, зверь редкий, — ответил денщик гордо. — В неволе не размножаюсь.

Весенний лес в горах только-только нежный бледно-зеленый лист выбросил. Ореховые кусты пока совсем голые стояли. Новая трава уже пробивалась сквозь прошлогоднюю палую листву. Красота вокруг... И воздух целебный. Запахи...

Сильно захотелось свежего березового сока, да вот только нет тут в горах берез.

Бродили долго, но без толку, никого так и не обнаружив. Чуткий зверь шарахался от нас, издали обнаруживая. Всей пользы с той охоты, что оружие пристреляли.

Обедали в охотничьей заимке тем, что с собой нам Элика в торбу сунула. Сквородку на керосинку. Бутерброды на сквородку. Потом чем-то кофейным из местных запасов эту сухомятку залакировали.

— На охоте домашнее есть последнее дело, — недовольно заметил денщик.

— Вот-вот, — откликнулся я. — Был у меня аналогичный случай. Мальцами еще взяли нас родители с собой на охоту по осени, на перелетную птицу. На лесные озера. Первым делом, как добрались, поели. Отец ружье за спину, собаку свистнул и пошел по камышам шуровать. Тут мой младший братишка нам и заявляет: «Я есть хочу». Мать

удивленно на него смотрит. Только что со всеми налопался — за ушами пищало. «Да ешь, — говорит ему. — Кто не дает?» «Не-э-э-эт, — заявляет гордо. — Я есть хочу то, что папка убьет». Пять лет ему было тогда.

— А где твоя семья, командир? — задал денщик скользкий для меня вопрос.

— Нет моей семьи, канонир. Один я тут. Горы... — глянул вверх я на плато, где до поры скрывался от взора сумрачный берендеев лес. Не говорить же ему, что семья моя совсем в другом мире. Где? Бог его знает. Тем более что бог отсюда уже ушел.

Денщик тактично переспрашивать меня не стал. Легенды о войнах кланов в горах и разные страшилки о горской кровной мести жителями долин транслировались охотно, хотя я тут пока еще ни одной вендетты¹ не видел. А сами горцы больше делают в таком случае, чем говорят.

Все же добыли в этот день мы пару небольших диких козочек недалеко от карьера с горючим камнем. От двух разных стад. Метров за четыреста сняли. По очереди.

Одну неудачно — упала в расщелину. Хорошо еще веревку с собой по наказу Оле захватили. В горах без веревки шастать не след. А так бы... прощай добыча.

Пришлось денщика обвязывать для спуска — он поменьше меня в корпусе и полегче будет, и опускать вниз помалу, держа веревку через спину, привязав к дереву другой ее конец. Из нас альпинисты те еще...

Потом козочку мне одному наверх тягать. То еще удовольствие.

А за ней и самого денщика вытаскивать из каменного плена. Веревка-то одна.

Вырубили подходящую слегу, привязали тушки коз к ней за ноги. И таким макаром со слегой на плечах пошли паровозиком домой. Добычей хвастать. И на грудь накатить законным образом тем, что после праздника осталось. Мы тут, конечно, все выпить не дураки, но ящик сразу не осилили.

¹ Вендетта (*um.*) — частная война по причине кровной мести.

Встретили нас на подворье аплодисментами, как прим на бенефисе.

Догадливая родня заранее на хуторе баньку протопила, потому как воняло от нас с денщиком после того, как мы козу из расщелины вытаскивали, как от самых натуральных козлов. И посему питье алкогольсодержащих жидкостей пришлось оставить на потом. Сначала тушки коз разделать, шкуры присолить и только потом уже отмываться от засохшей крови всем мужским коллективом.

Баня местная чем-то сауну финскую напоминала. Сарай каменный, изнутри гладко оструганными досками обшит и полки сделаны. Предбанник крохотный. Печка снаружи топится и греет твердые камни и воду во вмурованном бронзовом котле уже внутри. Воздух сухой и очень горячий. Только вот веничком особо не похлестаться. Битком туда набилось — нас пятеро да еще Оленых пацанов два да два.

После нас там бабы с удовольствием парились. Не торопясь. А я в отстиранных и выглаженных за время нашей охоты старых штанов и домотканой рубаше, что в моей первой посылке из армии нашлись, все это время с сыном на коленках сидел. Нянчился. Козу пальцами ему делал. Тот смеялся. Потом заплакал. И качая его на руках, ждал я с тоской, пока мамка отмоется и заберет у меня младенца, с которым я особо и не знал, что делать в таком случае. А тот просто жрать хотел.

Вот когда довольные румяные бабы из бани вышли, то я с облегчением отдал им сына и только тогда смог с чистой совестью накатить на грудь оземской сливовицы. Догнать Оле с подмастерьем и пришлым пахотным помощником. Они за день одну террасу вспахали и пробороновили уже. У меня бы так быстро не получилось. Да и пашут тут совсем по-другому, чем у нас под Калугой. Скорее скребут землю двурогим бронзовым сошником, чем пашут.

Ну им виднее... Самое глупое — это механически переносить агротехнические привычки одной климатической зоны в другую без осмысления местного векового опыта. Это как при Хрущеве на целине получилось... пахали там казахскую степь, как на Украине привыкли. Первый год —

рекордный урожай, который не знали куда девать, а на второй год местный ветер весь потревоженный плодородный слой сдул. Впрочем, там и спросить, как надо, не у кого было. Уральских да сибирских казаков извели, а казахистокотководы землю пахать никогда не умели.

Помню только, что в прошлом году мы здесь мотыгами обходились. Да и не сеяли столько. Но тогда был мир. Все что хочешь в любой момент закупить легко в долине на ярмарке. А сейчас война. Война она запас любит.

Денщик субординацию блюл, терпеливо ждал и выпил только со мной уже.

Хорошо сливянка пошла под копченый сыр. Душевно. В преддверии чистой любви... каковая только и бывает после бани.

Но сначала шашлык. Замариновался уже. Хотя козочек мы добыли и молодых, все же своя барашка помягче дичины будет. Только козочка вкуснее... Впрочем, горячее сыром не бывает... Особенно под это дело. Да под смешной рассказ, как мы это мясо добывали.

Только Элика сначала сына покормила. Вон как мамкину сиську тербит. С пузырями.

2

Неделю наслаждался отдыхом по хозяйству, а потом, когда посевная на полях и огородные посадки закончились, я что-то заскучал, чего со мной с детства не случалось — вырос сам на таком же хуторе. Так что когда на десятый день отпуска прискакал к нам в горы на хорошей гнедой лошади расфуфыренный посыльный с города, я внутренне уже был готов к переменам. Хотя и не осознавал еще этого активно.

— Кто тут будет Савва Кобчик? — спросил вестник, не слезая с седла.

— Ну я... — воткнул топор в пень, на котором с удовольствием колот дрова. — А ты сам-то кто таков будешь?

— Яго Польдверт, личный фельдъегерь его светлости маркграфа Рецкого с эстафетной депешей к гвардии стар-

шему фельдфебелю Савве Кобчику, — отдал он мне воинское приветствие. — Могу я увидеть документ, свидетельствующий о вашей личности?

— Тавор, носи мою солдатскую книжку, — крикнул я денщику, который в это время укладывал третий ряд поленицы у стенки конюшни.

Сухих стволов мы повалили с денщиком в окрестном лесу богато, ветки обрубали да, прицепив их по одному к упряжке арендованных волов, пока наши пахари занимались севом, сволочили на хутор. И вот третий день развлекаемся с денщиком на дворе пилкой и колкой дров. Какие подлиннее и потолще — для камина, покороче и поуже — для печек. Все для того, чтобы сын мой тут не вымерз зимою.

Пока денщик ходил за моими бумагами в дом, оттуда выскочила жена Оле и подала фельдъегерю ковшик шипящей бражки. И тот с видимым удовольствием ее выпил и даже показал, как последние капли с ковша на землю падают — уважил хозяйку.

Внимательно прочитав мое удостоверение, фельдъегерь достал из ташки¹ с серебряным вензелем нашего правителя засургученный пакет и подал его мне. С поклоном. Иначе с седла стоящему на земле человеку передать бумаги и не получилось бы.

— Отобедаете? — пригласила вершника жена кузнеца.

— Благодарствую. С удовольствием бы... но служба. Мне еще пару адресов навестить, а вы так далеке в горы забрались...

И ко мне повернулся:

— Господин старший фельдфебель, распишитесь на квитанции, она к пакету приклеена с обратной стороны. Оторвите ее и отдайте мне. Благодарствую. Я могу быть свободен?

— Езжай, если обедать не остаешься, — махнул я рукой.

Не успел в чистом горном воздухе растаять перестук копыт, как в моей голове зазвучал полковой горн.

¹ Т а ш к а — плоская кожаная сумка, крепившаяся к поясу на длинных лямках. Входила, к примеру, в обязательную амуницию гусар.

— Что там, командир? — любопытствовал денщик.

— Любопытной Варваре на базаре нос оторвали, — ответил я назидательно. — Иди давай, дрова докладывай в пленницу и найди, чем ее сверху от дождей прикрыть. У Оле рогожку попроси какую...

Когда денщик отошел, я сломал все пять сургучных печатей на узлах прошивки пакета и... с облегчением выдохнул. В пакете был не отзыв из отпуска, а всего лишь приглашение на личную аудиенцию к маркграфу. Через три дня.

После ужина, когда весь народ уже встал из-за стола, я заявил дяде Оле:

— Собирайтесь, послезавтра в город поедем.

— Надобности нет, — возразил мне кузнец.

— Надобность есть. Меня тут к местному начальству вызвали. Дешей.

— Ну а мы тут при чем? — возразил он мне.

— А вы при мне. Сына надо в городе оформить по документам на меня. Брак с Эликой зарегистрировать. Случись что со мной, чтобы они воинскую пенсию получали. Я бы тебя и не дергал, но не знаю, где что тут делают да в какие двери стучать.

— Брак зарегистрировать... — передразнил меня Оле. — А девушку ты спросил? Может, она и не пойдет за тебя.

— Как это? — оторопел я.

— А вот так... — усмехнулся кузнец и, повернувшись к жене, собирающей со стола грязную посуду, сказал ей: — Мать, ты это... Элику сюда позови. Скажи — сваты приехали.

Та с готовностью подорвалась и быстро скрылась в доме.

Через полминуты на крыльцо выбежала рассерженная, покрасневшая Элика с ребенком под мышкой и закричала злобно:

— Дядя, гони всех сватов отсюда поганой метлой! Ни за кого я замуж не пойду! Вот вам мой сказ.

Ногой для доходчивости топнула и скрылась в доме, крутанув широкой длинной юбкой.

— Слыхал?.. — захихикал Оле. — Что теперь скажешь?

Да-а-а-а... Облом Обломыч подкрался, откуда его не ждали.

— Ну... а теперь можно и о приданом поговорить, — уже в голос ржал кузнец. — Коли сойдемся в цене... — Он сделал многозначительную паузу. — Я ведь могу и воздействовать на племяшку. В твою пользу. Слово одно волшебное знаю... Так что ты в приданое за ней взять хочешь?

— Сына своего и жменю горного тумана, — ответил я, начиная сердиться. — И право в любой момент вернуться сюда — жизнь она штука такая... Неизведанная. Остальное все у меня есть. Или будет.

Кузнец помолчал немного и высказался:

— Мой дом — твой дом, Савва. Даже если ты и не женишься на Элике. Сын и так твой по обычаю — ты его признал. Семь лет ему исполнится, так хоть забирай его отсюда. Твое право. А тумана в горах на всех хватит. И еще останется.

Я его выслушал и добавил:

— Еще есть у меня одно условие... Если меня, не дай ушедшие боги, на войне убьют, то опекун моего сына — ты. И профессии его обучишь. Всем секретам наравне с собственными сыновьями. Без изъятий. По рукам?

— По рукам, — согласился кузнец и протянул мне свою жесткую ладонь. — Вот теперь почти по-людски сладились. А то... в город... все вскочили и побежали... по команде фельдфебеля. Понимаю я, что у тебя отпуск короткий. Но нельзя же так... на бегу... Положено обручение отпраздновать и только через полгода свадебку играть. Как дедами нам завещано.

Тут жена Оле снова пришла собирать грязную посуду.

Кузнец на нее посмотрел хитро так. Женщина в ответ прыснула, закрыв концом платка нижнюю часть лица, вызвав ответную улыбку кузнеца.

«Чей-то они тут темнят, — подумал я. — Уж больно морды у них какие-то хитрые».

— Как, мать, отдадим этому оболтусу Элику? — спросил ее кузнец.

Женщина дробно закивала, подхихикивая. Но соглашась, судя по всему.

— Тогда зови эту козу сюда еще раз.

Правда, сначала жена кузнеца с женой подмастерья вымыли всю посуду. Потом поставили на стол стаканы и легкую закуску, оставшиеся бутылки вина из моего ящика и кувшин бражки для любителей.

Позвали Элику. На этот раз она пришла одна, оставив ребенка на попечение няньки. Села за стол с прямой спиной. Спросила сердито у Оле:

— Ну и кто на этот раз возжаждал моей доли в этом хозяйстве? С горы или с долины?

А ей идет сердиться. Как-то сразу ее мягкая красота становится при этом четче, выпуклей, а глаза так и сверкают звездчатыми сапфирами.

— Не с горы, не с долины, не крестьянин, не купец, а принц с дальнего королевства сватается... — нараспев проговорил кузнец. — Да ты его знаешь... Вот он сидит, — показал рукой на меня. — Года не прослужил, а уже целый лейтенант. Не хухры-мухры... Савва, а ты что тут молчком, как сам засватанный.

Выражение лица девушки стало малость отрешенно-обалдевшим.

— Савва попросил у тебя моей руки? — спросила она кузнеца, словно не веря его словам.

— Да, — подтвердил сказанное дядя Оле. — Только ты приказала сватов его гнать поганой метлой. Что ты на это скажешь?

Элика встала, потеребила в руках пояс от юбки и, опустив глаза в стол, задумчиво промолвила:

— Я подумаю.

— Да что тут думать? — обиженно воскликнул я.

Блин. Тут считаешь себя подарком богов, принцем на белом коне, а тебе «я подумаю...» И кто? Мать моего же ребенка! Девица порушенная...

— Я подумаю, — уже тверже сказала Элика. — Ибо зачем мне муж, который сбегает от меня за тридевять земель?

В положенное время на пару с денщиком в полной парадной форме ольмюцкой гвардии мы сошли с наемной пролетки у ворот загородного замка рецкого маркграфа. Из оружия на этот раз взяли только холодное, как устав и предписывает.

Солнце уже стало порядком прижаривать, а мы в форме, придуманной и пошитой для более умеренного климата. Как бы не взопреть...

Часовому у ворот я предъявил письмо с приглашением. Тот вызвал унтера — начальника караула, который в свою очередь ознакомился с приглашением, и только потом нас провели через плац в приемную залу замка.

— Вас, господин фельдфебель, прошу немного обождать здесь. О вас доложат. А вы, ефрейтор...

— Гвардии старший канонир, — обиженно поправил его Тавор.

— Простите... Старший канонир... — поправился унтер. — Вам придется обождать своего патрона в кордегардии, где вам предложат прохладительные напитки.

И они ушли, оставив меня одного. От нечего делать я стал рассматривать теснящиеся на стенах картины. Судя по некоторой примитивности композиций и изображений, картины эти были старые, но очень эффектные, как у Пиромани или Босха. В основном они изображали битвы в горах. И только одна — портрет. Бородатый, косматый, носатый воин с суровым взглядом. Совсем не блондин. Русый и кареглазый. Поверх кольчуги облачен в просторный белый налатник. Императорский ополченческий крест изображен в области сердца. В правой руке зажато древко копья. А на левой ладони он держит зеленую гору со снежной вершиной. Больше картина походила на старые русские иконы, нежели на портрет.

— Любуется на моего предка, флигель-адъютант? — раздался сзади бодрый голос.

— Здравия желаю, ваша светлость, — поздоровался я, обернувшись.

Маркграф стоял в дверях один. Никакой свиты. Кареглазый блондин с седыми «буденновскими» усами.

— Любой знатный род, какой бы он древний ни был, — продолжил свою речь маркграф, — когда-то начинался с человека, которого никто не знал. На картине, а этой доске больше пяти сотен лет, изображен первый рецкий маркграф Отон. Мой прямой предок. Единственный, кому в древности удалось разбить рецкое ополчение, после чего рецкие горцы признали его своим общим вождем, чтобы не было так обидно от проигрыша. Его, а не императора. Императору же, в войске которого оный Отон служил всего лишь сотником наёмных пикинёров, пришлось назначить рекомого Отона местным маркграфом с прямым вассалитетом. Хотя, как доносят до нас устные предания, монарх этого вовсе не хотел — у него были для такого высокого поста свои кандидатуры, из ближников. Не хотел... потому как происхождения этот сотник был самого что ни на есть подлого — крестьянского. Но в официальных хрониках его лживо выводят изначальным имперским рыцарем, хотя этого звания он не добился, даже став маркграфом Реции. Вы не будете против, если я стану называть вас просто по имени? Как видите, у нас с вами для такого простого общения одинаковые корни.

И задорно улыбается в усы.

— Почту за честь, ваша светлость, — откликнулся я, склонив голову.

— Вот и хорошо, — кивнул его светлость и вернул мое внимание к галерее. — Остальные картины изображают победы рецкого ополчения в разных битвах. Как вам известно, они под водительством потомков Отона не проиграли ни одной до появления дальнобойного огнестрельного оружия. А сейчас я бы предложил пройти на террасу, выходящую в мой маленький сад, где мы можем насладиться видом на горы и продегустировать зеленое вино прошлогоднего урожая с моих виноградников. Прошу за мной.

Мы прошли через анфиладу парадных комнат на большой балкон, с которого действительно открывался прелестный вид на горы. Там по приглашению принимающей стороны мы уселись около небольшого круглого столика в плетеные из рогоза кресла.

— Я очень рад, что вы приняли мое приглашение, — сказал хозяин замка, когда ливрейный слуга разлил по бокалам вино.

«То ли маркграф так прикалывается, — подумал я, — то ли ему от меня действительно что-то очень надо. Но послушаем для начала хозяина, а там будем посмотреть...»

Вино оказалось легким и очень неплохим на вкус, несмотря на свой необычный травянистый цвет.

— Прекрасная лоза, — похвалил я.

— Да... прекрасная... — повторил за мной маркграф, — но только всего год после урожая. Потом это вино грубеет, вытягивая из бочки больше древесных соков, чем того требуется. А в бутылках годовалая выдержка зеленого вина живет не более трех лет, превращаясь после этого срока в уксус. Увы... Но это не коммерческий сорт. Это для души. Себя побаловать да гостей угостить. К тому же с одного только склона горы такое вино получается, хотя вроде бы и сорт винограда одинаковый. Но... в других местах это просто неплохое белое вино, которое только в имперской столице продается тысячами бутылок.

Маркграф поставил бокал на стол и развел руками.

— Осмелюсь полюбопытствовать, ваша светлость, как я подозреваю, вы меня позвали не для того, чтобы угощать редким вином.

— Почему же... — возразил хозяин. — Принимать у себя дома первого героя этой войны, призванного в армию с моей земли, для меня честь. К тому же меня гложет любопытство, что такого в вас нашел Бисер, которого я знаю как весьма серьезного и здравомыслящего человека еще с Пажеского корпуса, где я командовал его учебным взводом.

— Не могу вот так вам сразу на это ответить, ваша светлость, сам многого не понимаю в причинах королевской ласки ко мне. Разве только то, что я спас от плена молочного брата его сына.

— А вот прибедняться, Савва, нехорошо. Никогда не умаляй себя сам... Это охотно сделают другие, — усмехнулся маркграф. — Причем с большим удовольствием. Человек по большому счету порядочная скотина. Его держит в рам-

ках только мораль. Ослабнет в обществе градус морали, и все полетит в тартарары. Вот как вы думаете, какая проблема будет стоять перед нами после этой войны, уже превратившейся в бойню, в которой участвуют миллионы? Такого ведь еще никогда не было.

И смотрит на меня внимательно. Я бы даже сказал, заинтересованно.

— Слишком много людей на этой войне научатся легко убивать себе подобных, ваша светлость. Ценность человеческой жизни подвергнется инфляции. Одних только сошедших с ума пулеметчиков будут считать на сотни. А о послевоенном разгуле криминала я уже и не говорю.

— Сошедшие с ума пулеметчики? Я правильно расслышал?

— Все правильно, ваша светлость. Вы слышали о тактической новинке армии восточного царя — психической атаке?

— Не довелось.

— А вот мне в санатории рассказали. Дивизия идет в атаку чуть ли не парадным шагом. В плотной колонне. В красных кителях. Под барабанный бой и флейту. С развернутыми знаменами. Убитых в первых рядах моментально заменяют задние ряды, и такая видимость создается, что ты стреляешь, стреляешь, а все без толку. Кажется, что враг от пуль заговоренный. Двух пулеметчиков из полка отправили в дом умалишенных. А атаку еле-еле отбили в штыковую. Была бы нейтральная полоса метров на двести уже... тот офицер, который мне это рассказывал, не брался прогнозировать удачной обороны.

— Да... занимательно... Но откуда царцы собираются при таких потерях брать пополнение?

— Пленный их офицер на этот вопрос ответил, что их бабы еще нарожают.

Маркграф задумался, отпил из бокала.

— Но это означает, что кадровую армию они перемелют за первый год войны. Не так ли?

— Похоже на то, ваша светлость. Но и наша армия становится, несмотря на то что стоит в глухой обороне на хороших позициях.

— А те, кто придет им на смену, — не обратил он внимания на вторую часть моего ответа в своих рассуждениях, — будут уже не так хорошо обучены и стойки. Опять-таки, Савва, во главе всего стоит мораль. Вы согласны?

— Согласен, ваша светлость. Только вот мораль в обществе саморегулируется самим обществом. Семей в первую очередь. Насадить ее вряд ли получится. Легко насаждается только порок.

— Интересная мысль... Чай, кофе или есть особые предпочтения?

— Чай, если нетрудно.

— Слугам не трудно, — усмехнулся маркграф и хлопнул в ладоши.

Слуги внесли еще один столик, на который следующая ливрейная пара поставила двухведерный самовар красной меди. Явно не моего производства. Быстро мои бабки отбивают огемцы.

Намек я понял. Но решил подождать прямого предложения. Все равно припашут, так что нечего самому на левую работу напрашиваться.

С нашего стола убрали вино и бокалы, поставили чашки с блюдами, сахарницу, мед в сотах и блюдо с микроскопическими пирожными — на один укус. Я так понял, они такие специально подают, чтобы не вести бесед с набитым ртом.

— Как вы, Савва, посмотрите на то, чтобы вступить в Рецкое политехническое общество в качестве члена-корреспондента?

Я чуть не поперхнулся великолепным чаем.

— Я-то, может быть, и положительно на это посмотрю, но все будет зависеть от мнения действительных членов общества. Не так ли, ваша светлость?

Поставил я чашку на стол.

— Вы проницательны, Савва. Даже если принять во внимание, что ваш покорный слуга является председателем этого общества и к моему мнению там прислушиваются, однако все мое преимущество, согласно Уставу, равняется двум голосам вместо одного на баллотировке. Но...

— Вот именно, ваша светлость, все упирается в «но»... У меня только неполное среднее образование.

— А год назад, насколько мне известно, у вас не было никакого образования. Вы даже писать и читать не умели. Так?

— Так, ваша светлость. Ваше досье на меня не врет.

— Это хорошо, что вы понимаете, что такое предложение не делается с бухты-барухты.

— Что от меня требуется, ваша светлость? — не стал я тянуть кота за хвост.

— Да всего лишь пустяк... — лукаво улыбнулся маркграф в свои большие усы. — Парочка зарегистрированных во Втуце патентов типа этого самовара. С условием, что производство будет развернуто здесь, у нас... вы же патриот Редции?

Я кивнул, а правитель продолжил:

— Оживление экономики. Рабочие места. Налоги... и все такое прочее...

— Я так понимаю, что это должно быть что-то, облегчающее людям быт. Потому как что-либо военное, согласно указу императора, я обязан продать государству по его цене.

— Не обязательно. У меня достаточно влияния в столице, чтобы локализовать такое производство в своей столице, а не в центре, особенно если оно не будет очень сильно коптить. Были раньше планы организовать здесь престижный зимний курорт. Но теперь это уже все на после войны. Только вот в чем загвоздка — изначальное сырье должно быть местным. Такой аргумент просто необходим для лоббирования своей сторонки, — улыбнулся он. — Транспортная экономия при загруженности железных дорог в военное время дорогого стоит.

— Я не в курсе местной экономики, ваша светлость. Я в ней принимал участие только как кузнец и покупатель на ярмарке.

— Не прибедняйтесь, Савва. Я состою в переписке с Бисером и, наверное, в курсе всех ваших дел, — кинул его светлость на стол свой старший козырь.

Ох ни фиги себе фиги... Я-то думаю, что на своем полигоне как мышь спрятался под веник, а обо мне тут монархи переписываются.

— Ваша светлость, надеюсь, эта переписка идет не по общей почте? — забеспокоился я. — Многие вещи, на которые вы намекаете, составляют военную тайну империи.

— За это можете быть спокойным, фельдфебель. Мы переписываемся посредством фельдъегерей, как то у государей и принято. Или передаем послания с оказией. Вот поедете вы назад к месту службы, то и вас как человека проверенного я также нагружу почтой к Бисеру. Официально, как флигель-адъютанта его королевского величества.

— В наших горах есть хрусталь?

— Есть. Много. Прозрачный, дымчатый, розовый, лиловый...

— Пробовали из него варить оптическое стекло?

— Пробовали. Даже варим. Но телескопические подзорные трубы не дают сейчас той прибыли, какой бы нам хотелось — призматические бинокли с севера империи активно вытесняют их из обращения. Сейчас мы делаем только линзы для морских дальномеров. Дорогой товар, но этого мало, чтобы полностью занять квалифицированных и хорошо оплачиваемых рабочих. Простой хоть и оплачивается по закону в половину среднего заработка, но вылетает в солидную сумму в итоге для владельцев предприятия.

— Его королевское величество наверняка писал вам, что я не инженер и расчеты — моя слабая сторона. Идею, принцип я могу предложить, даже схему прибора изобрести, а вот довести что-то до готового продукта мне пока слабо. Да и времени на это нет.

— Я это знаю, — оживился маркграф. — А что, есть уже идеи?

— Предприятие, о котором вы говорили, ваша светлость, находится в вашей собственности?

— Скажем так... это мануфактура на паях, — ответил он уклончиво.

— Идея есть. Наблюдательный прибор, который поможет командирам высоких рангов следить за противником,

не высовываясь из окопа командного пункта вообще. То есть, не подвергая себя риску погибнуть от шальной пули. Такое интересно? Если да, то пришлите ко мне своего патентного поверенного.

— Прекрасно, — подвел нашей беседе итог маркграф. — Теперь я понял, что в вас нашел Бисер. Со своей стороны, — так как императорская премия не будет большой, — я вас простимулирую тем, что если эти ваши приборы поставит на вооружение военное ведомство, то вы получите в нашем предприятии пай в два процента от уставного капитала. Плюс к этому будете получать от предприятия роялти — по одной серебрушке с каждого проданного прибора...

— И на каждом приборе будет стоять надпись «Кобчик-патент», — твердо заявил я.

Наглеть так наглеть, решил я. В деньгах, как видно, меня тут уже обули.

— Несомненно, — согласился маркграф. — Вас отвезут, куда вы скажете, в моей карете. И... если будут еще идеи, то приносите их уже оформленными патентному поверенному.

Маркграф встал и упрекнул меня напоследок:

— А все-таки такие простые и нужные вещи, как этот самовар, ты, Савва, мог бы отдать и своим землякам в работу. Хороших ремесленников, настоящих мастеров тут много. Успевай только им медный лист подвозить, — маркграф даже цыкнул разочарованно.

— Не мог, — ответил я с едва сдерживаемой злостью. — Не потому что не хотел, а потому что сначала в госпитале раненый валялся, потом в тюрьме сидел. Поверенный вопрос с лицензиями в мое отсутствие провернул.

3

Свадьбу не играли.

Брак не регистрировали.

Элика просто взяла с собой ребенка, няньку, пару баулов с пеленками, три узла с полушубками и валенками, дет-

скую колыбельку, ружье с патронташем и уехала со мной. Сама. Я так и не понял, ради чего ей стоило так выпендриваться столько времени? Даже от койки меня отлучать на целую неделю. Только в последнюю ночь пришла — не выдержала. В итоге я же оказался и виноват, что она «столько времени потеряла».

Но мне, по совести, не до вздорностей бабских было — днями я чертил. А потом при свете купленной в городе керосиновой лампы писал пояснительные записки к чертежам. И отдельно составлял по положенной форме протокол новизны принципа изобретения.

Так появились в этом мире те приборы, которые я неплохо знал по Российской армии.

Ручной перископ разведчика. Простейший триплекс с двумя металлическими зеркалами. Чтобы из-за препятствия что-либо высмотреть, себя не показывая.

Командирскую стереотрубу на два перископических рога и однорогий монокулярный перископ для офицеров рангом пониже. Штатив к ним. Механику винтовой наводки на резкость. Как с четырехкратным увеличением, так вообще и без него для передовых окопов. По номенклатуре четыре разных изделия получилось.

Бленду навесную фибровую, чтобы блеск оптики от вражеского наблюдателя скрыть и свой глаз от солнечных лучей уберечь. И на свои приборы, и на бинокли.

Заодно светофильтры из дымчатого и лилового хрусталя на байонетном креплении.

Ударил себя по макушке за забывчивость и подал заявку на патент самого крепления.

Оптический прицел на винтовку типа неубиваемого русского ПУ-4 с крестовиной из конского волоса и диоптрической установкой окуляра. С двумя маховиками ручного наведения. Простейший полуторакратный оптический прицел тут и так делали, но из-за особенностей затвора штатной винтовки ставили его по-скаутски — вынесенным далеко вперед. За новизну выдал не столько сам прицел, а именно боковой кронштейн на него, чтобы стрелку можно было открытыми прицельными приспособлениями одно-

временно пользоваться, а также возможность быстро ставить с ним прицел на винтовку и снимать его.

Отдельно написал записку, что этот прицел можно и на пулеметы ставить и на пушки до трехдюймового калибра.

И раз пошла такая пьянка, то не только начертил и описал, но и заказал маркграфу на его мануфактуре триплексы наблюдения на бронепоезд и большой телескопический перископ для командира с возможностью выдвигать его механически по зубчатой рейке на два метра выше крыши вагона. Кругового обзора, с ручками складывающимися, резиновым налобником — все как на подводной лодке. Даже проще — не надо хитрые сальники выкаблучивать, чтобы они воду не пропускали.

Трезво подумав, саму подводную лодку чертить не стал... Не ко времени еще. Потом как-нибудь, когда у меня авторитет уже будет в глазах больших начальников из имперской канцелярии.

Заодно Оле подарил идею и чертеж швейцарского офицерского ножа «о двенадцати лезвиях» с ножницами и штопором, набором инструментов, необходимых для разборки оружия, обязав его первый изготовленный десяток выслать мне. В подарочном исполнении с ручками из кости — на подарки для маркетинга. И тоже запатентовал его, а лицензию оформил на Оле.

Удобный механический пробочник на зубчатом колесе с винтом и ручками. А то тут все руками пробки тянут примитивным штопором.

Консервный нож. Простая ведь до безобразия приспособь, а банки солдатики все штыками вскрывают.

Походный набор — нож, ложка, вилка в одном флаконе, складные, одним движением разделяющиеся на три автономных предмета.

А вот идею мультитула я пока попридержал. Не все сразу. Автомашин здесь пока нет, а на рутьеры¹ с локомотива-

¹ Р у т ь е р — экипаж или тягач для безрельсового пути с паровой машиной замкнутого типа. Применялся как в гражданских, так и в военных целях.

ми¹ так даже гаечные ключи паровозного размера пока идут.

Так что некогда мне было за непонятную женскую обиду переживать.

Оле заглянул несколько раз подивиться на мои занятия, потом во время ужина заявил:

— Перерос ты, Савва, нашу стезю. Скучно тебе после войны будет подковы ковать.

Что я мог ему на это ответить? Рубаху рвать и пуп царапать, что вернусь сюда обязательно его подмастерьем? Не факт. Вернусь, конечно, за сыном, когда ему исполнится семь лет. Отдам в кадетский корпус на казенный кошт. Сын гвардейского офицера и орденоносца как-никак. В любом случае неграмотным я своего ребенка не оставлю.

Когда Элика объявилась на вокзале в сопровождении няньки и носильщиков, Оле только руками развел. Я тут, мол, не при делах.

— Разбирайтесь-ка сами между собой, — сказал он и отошел в сторонку, чтобы нашему разговору не мешать.

— Я с тобой, — твердо заявила Элика, даже не поздоровавшись, лишь поправив на плече ремень ружья.

— Там война, милая, — ответил я ей. — Там и убить могут.

— Если ты мне муж, то мое место подле тебя, а не на этой горе. Я в невесты ушедших богов не записывалась и их обетов блюсти себя в телесной непорочности не давала.

— Там говорят совсем на другом языке.

— Выучу. Ты же выучил.

— И читать-писать научишься? — поставил я условие под видом вопроса. — У офицера не может быть неграмотной жены.

— Делов-то... — фыркнула Элика.

— А девчонку эту зачем с собой тащишь?

¹ Локомотив — буксируемый паровой двигатель для привода неподвижных насосов, молотилок, дробилок, соломорезок, мельниц, веялок и для прочих сельскохозяйственных нужд и выработки электричества.

— Жена офицера должна иметь прислугу, — убежденно высказалась девушка. — У тебя же есть денщик.

— Резонно, — усмехнулся я. — Только там... вот в этом, — я подергал ее за рукав кофты домашней вязки, — не ходят. Особенно жены офицеров.

— Не страшно, — парировала Элика. — Буду ходить в том, в чем ходят они. Надеюсь, они одеваются не слишком смешно.

— Что скажут родители девочки?

— Ничего не скажут. Она сирота.

Сирота — это аргумент. Сам тут сирота при живых родителях. И Элика сирота.

— Тогда бери няньку, сына и вот в этом салон-вагоне заселяйте второе от входа купе. Вещи денщик занесет.

Не гнать же ее обратно. С таким строптивым характером, как у этой девицы, можно вообще больше не увидеть ни ее, ни сына.

Когда маркграф говорил мне о том, что передаст со мной посылку для ольмюцкого короля, я и подумать не мог, что она занимает собой целый литерный эшелон с двумя большими паровозами на колесах по два метра в диаметре. В эшелоне в основном цистерны с керосином — Реция все же нефтеносная провинция. Пара опломбированных теплушек с каким-то грузом. Вагон охраны. Классный плацкартный вагон для сопровождающих лиц. И личный салон-вагон маркграфа для меня — единственный в составе на четырех осях.

В сопровождающие меня лица попали два полных расчета горных трехдюймовок с опытными наводчиками и шесть пулеметных расчетов — экипаж одной бронеплощадки будущего бронепоезда, пусть и названного в честь огеминой княгини, по мнению маркграфа, должен быть чисто рецким. Утрясти бюрократические проблемы он взял на себя.

Охрана фельдпочты.

Вагонные проводники

И стюард салон-вагона.

Так что салон-вагон можно рассматривать мне исключительно как комплимент от маркграфа. Понял он, что поднимется в деньгах на моих изобретениях.

Утром последнего дня, не дожидаясь оформления патентов, только по скорой местной экспертизе, меня по предложению маркграфа торжественно приняли в члены-корреспонденты Рецкого политехнического общества, которое тут заменяло Академию наук. И обязали корреспондировать руководству этого самого общества обо всех технических новинках, которые я увижу в дальних краях.

Затем в конторе нотариуса в обмен на лицензии производства моих оптических игрушек оформил мне канцелярский сморчок сертификат на два процента уставного капитала в мануфактуре на паях «Рецкое стекло», которая в основном производила бутылки для винодельческих хозяйств — золотое дно, если посчитать, что я буду получать два процента прибыли со всего производства.

Председателем правления мануфактуры был сам маркграф — кто бы сомневался? Я так нет. Он же владел и контрольным паем в пятьдесят четыре процента, от которого и откусил мою долю. Не такую уж и маленькую, если приглядеться. В реестре пайщиков только один (не считая самого маркграфа, разумеется) имел семь процентов. Остальные же довольствовались одним, двумя или тремя паями. В основном это были владельцы крупных винодельческих хозяйств — славы Реции.

Один пай равнялся одному проценту и составлял пятьсот золотых кройцеров. Объявленный капитал с моей доли, таким образом, составлял тысячу, с которых я, пока нахожусь на военной службе, не плачу никаких налогов. А гражданские лица за объявленный капитал отстегивали в казну по полтора процента в год. Один процент империи. Полпроцента Реции. Сделали это так, чтобы не было в государстве соблазна грюндерства пустышек, через которые легко проводить разные мошенничества.

Это еще по-божески, учитывая, что я отдал «Рецкому стеклу» только все заявки, относящиеся к оптике. За остальные патентные заявки я вчера честно заплатил пове-

ренному, взяв с него письменное обязательство не отдавать мои лицензии в одни руки. Минимум в четыре-пять компаний, чтобы была конкуренция за качество среди них. И обязательно хоть одна такая фирма должна располагаться в Реции.

Сговорились на десяти процентах его куртажа. Ох, и дам я все же в глаз тому поверенному в Будвице...

А вообще, чувствую, что становлюсь просто акулой капитализма. Совладелец я уже двух промышленных предприятий.

Заводчик.

Фабрикант.

А ведь только год прошел с того момента, когда я с гор на равнины спустился.

Увидев, что я украдкой смотрю на часы, скучающий маркграф заметил:

— Не суетись, Савва. Успеешь ты на поезд.

— Да я, ваша светлость, и билет еще не приобрел, — пояснил я свою проблему.

— На литерном составе поедешь... по войсковому лите-ру, — скаламбурил маркграф. — Отправление поезда... как скажем сами машинисту, — хохотнул он собственной шутке. — Так что опоздать на этот поезд ты в принципе не сможешь.

— Да я хотел еще доплатить за первый класс... ехать долго, — промямлил я.

— Будет тебе первый класс, Савва. И без доплаты, — заверил меня правитель земли рецкой.

И обманул.

Не первый класс оказался, а люкс.

Таких салон-вагонов всего два десятка на всю империю бегало. Роскошь невероятная. Мой денщик и от первого класса тут балдеет до головокружения, а в салон-вагоне так вообще в ступор впал.

— Живут же люди... — только и смог он выдохнуть.

За нами в салон вошел личный адъютант маркграфа, мо-ложавый блондин в майорском чине.

— У вас все в порядке, господа?

— Пока да... Благодарю, — ответил я. — Осваиваемся.

— Как только соберетесь отправляться, не считите за труд — маякните мне на перрон. Я дам команду машинисту трогаться.

Поезд стучал колесами на стыках. Паровоз время от времени повизгивал свистком. За окном проплывали знакомые пейзажи, только в обратную сторону. И с большей скоростью. На маленьких станциях нас вообще не останавливали — пролетали их со свистом. В прямом смысле этого слова. Причем свистели оба паровоза.

Обычного паровозного дыма видно не было.

— На рецком горячем камне идут, — объяснил стюард.

В вагоне нас было шестеро.

Я с денщиком в салоне.

Девочки с сыном в купе.

Стюард, он же проводник салон-вагона, который с полотенцем через локоть наливал нам в резные лиловые хрустальные стаканы выдержанное красное вино.

— Ох, командир, вижу, судьба тебя балует, и ты все лицом ее любишь, — с завистью сказал денщик, поставив пустой стакан на стол.

— Да нет. Разок она мне тут и задницу показала, — промолвил я.

— И как? — поднял брови Тавор.

— Как показала, так и раком встала, — засмеялся я. — Сам же меня из тюрьмы забирал.

И отправив стюарда к себе, задал я захмелевшему денщику давно занимающий меня вопрос:

— Тавор, ты на меня самому Бисеру стучишь или поменьше кому рангом? — и пристально посмотрел ему в глаза.

— Командир, да я... — попытался денщик божиться.

— Не врать! — прикрикнул я.

— Адъютанту Бисера, — сознался Тавор.

— Так-то лучше. Молодец. Продолжай дальше.

— Что продолжать, командир? — округлил он глаза.

— Стучать. Мне скрывать нечего. Кстати, какое у тебя настоящее звание?

Приложение 2

ОРДЕНА ИМПЕРИИ

Солдатский крест — присваивается исключительно за личную храбрость на поле боя перед лицом врага. Награждаются им только в военное время от имени императора. На нижнем луче креста выбита дата начала войны.

1-й класс — знак ордена носится на булавке на левой стороне груди ниже петличных наград.

2-й класс — знак ордена носится в петлице, а при полевой форме только ленточка в петлице.

Рыцарский крест — присваивается исключительно за личную храбрость перед лицом врага тем, кто уже имеет Солдатский крест 1-го и 2-го класса. Имеет вид Солдатского креста, но носится на шее. Награждение Рыцарским крестом одновременно автоматически возводит человека в личное дворянство как «имперского рыцаря».

Имперский крест — высший орден империи, присваивается за особые заслуги перед всей империей. Дарует потомственное дворянство. Знак ордена носится на широкой ленте через плечо. Офицер или чиновник, получивший Имперский крест, возводятся автоматом в следующий чин с абсолютным старшинством по производству в новом чине.

ОРДЕНА КОРОЛЕВСТВА ОЛЬМЮЦ

Орден Бисера Великого — высший орден Ольмюцкого королевства.

Имеет пять степеней.

1-я степень — знак ордена носится на широкой ленте через правое плечо и со звездой ордена на левой стороне груди.

2-я степень — знак ордена носится на шее и со звездой ордена на левой стороне груди.

3-я степень — знак ордена носится на шее.

4-я степень — знак ордена носится в петлице.

5-я степень — медаль ордена «За полезное», носится в петлице на ленте ордена.

Крест военных заслуг — присваивается королем за военные заслуги исключительно в военное время. На нижнем луче креста выбита дата начала войны.

Крест военных заслуг с мечами — за личную храбрость перед лицом врага.

Крест военных заслуг с венком — за военные заслуги, связанные с командованием людьми.

Крест военных заслуг с венком и мечами — за заслуги, связанные с командованием людьми и проявленную при этом личную храбрость перед лицом врага.

1-я степень — знак ордена носится на широкой ленте через левое плечо.

2-я степень — знак ордена носится на шее.

3-я степень — знак ордена носится в петлице.

4-я степень — медаль ордена «За отвагу», носится в петлице на ленте ордена.

Кавалер любой степени Креста военных заслуг имеет привилегию на непосредственный суд самого короля.

Король может в знак особых заслуг присвоить уже выданному ордену «**трофей**», который носится над верхним лучом креста. Трофеей имеет вид разнообразной военной арматуры на фоне штандарта или скрещенных знамен. Трофеей может быть присвоен и в мирное время.

Золотое оружие с надписью «За храбрость» с темляком ленты Солдатского креста — награждают главы автоном-

ных субъектов империи (короли, герцоги и т.п.), так как Солдатским крестом может наградить только император. Считается равным Солдатскому кресту 2-й степени, но более почетной наградой.

Знак за ранение «Слава пролившему кровь за родину».

Одно-три ранения — знак серебряный.

Свыше трех ранений — золотой.

Носится на булавке ниже Солдатского креста 1-го класса.

СОДЕРЖАНИЕ

ГОРЕЦ, ОРУЖЕЙНЫЙ БАРОН. <i>Фантастический роман</i>	5
<i>Приложение 1.</i> Табель о рангах имперской армии	305
<i>Приложение 2</i>	
Ордена империи	309
Ордена королевства Ольмюц	309